

«ХРИСТОС» ВОСКРЕС

Первым выступлением Евгения Светланова без «своего» оркестра стала российская премьера оратории Листа *Неувисшая гора, — 2000*
— 26 апр. — с. 7

Андрей Хрипин

ИСКУССТВО маэстро Светланова самоценно само по себе и не зависит от того, где он и кем дирижирует. Недавнее освобождение Евгения Федоровича от обязанностей художественного руководителя ГАСО (см. «НГ» от 18.04.2000 г.) можно расценивать по-разному: и как удар родного коллектива и культурных властей по самолюбию художника (заметим в скобках, что, в общем-то, справедливый — наверное, нельзя было так запускать свой оркестр в пользу западных), но и как счастливое избавление от бремени организационной ответственности, как возможность предаваться лишь творческому вдохновению и играть с теми, кто этого хочет (и заслуживает). Прошла всего неделя с момента увольнения, а маэстро уже успел показать себя во всеоружии своего мудрого (хотя и немного усталого) мастерства не только за рубежом (рахманиновские «Колокола» в Стокгольме), но и в первопрестольной.

Еще год назад Евгений Федорович задумал показать русским людям раритет из раритетов — почти не исполняемую сегодня из-за своей монументальной непопулярности трехчасовую ораторию Ференца Листа «Христос» («Christus»). И вот красивая идея стала реальностью. Накануне Вербного воскресенья в Большом зале консерватории состоялся Великопостный концерт, в котором впервые в России было исполнено самое грандиозное творение великого новатора европейской романтической музыки. Символическим (и подстать моменту даже каким-то библейским) было соотношение сил: опыт, знание, миссионерство и молодая неуикоренность. Мэтр и ученики. Светланов впервые дирижировал Симфоническим оркестром Большого зала (создатель и руководитель — Леонид Николаев), иными словами, юношеским коллективом. Светлые молодые лица — это и Академия хорового искусства под руководством Виктора Попова, пустившаяся в величественное, хотя и рискованное плавание по бурному листовскому океану. У молодости достаточно проходящих недостатков, но есть и неоспоримые достоинства, например, творческое рвение и

неакцентированность утилитарных притязаний. Они хотят, пусть и не всё еще могут. Печальный опыт развала светлановского и других оркестров показывает, что с возрастом у музыкантов формула приобретает обратную проекцию — можем, но не хотим. Точнее сказать, не хотим играть просто так, для души, или за мизерные российские зарплаты. Увы, и такая метафизическая материя, как музыка, способна превращаться в ремесло, в средство существования. Молодежные коллективы всегда и интересны именно тем, что свободны от усталости и профессионального цинизма; игра для них — не акт зарабатывания денег, а удовольствие, сублимация профессионального честолюбия. Приятно работать, приятно слушать. Вдохновенная атмосфера, царившая в тот вечер в БЗК, во многом и была обусловлена всем тем, о чем говорилось выше.

Концерт задержался на 20 минут, и терпкое чувство ожидания чего-то значительного испытали, видимо, все очевидцы. При появлении Светланова зал в едином порыве встал, и это приветствие (как и редкая для БЗК финальная овация) очень дорогого стоит и очень о многом говорит. Светланов любым независимо от формы и возраста — и этим все сказано.

Расхожее представление о Листе — это знаменитый цикл Венгерских рапсодий, виртуозные фортепианные пьесы и транскрипции, концерты и программные симфонические поэмы. Из-за отсутствия в концертном обиходе его ораториальных опусов Лист пока еще не входит в сознание публики как значительный автор духовной музыки. Оратория «Христос», создававшаяся в течение десяти лет и законченная в 1866 году, свидетельствует о том, что это именно так. Пройдя свой путь до половины (почти по Данте), Лист был уверен, что время исполнительства для него завершается, с другой стороны, он ощущал неудовлетворенность и своим композиторским творчеством. Поиски идеала музыки будущего, ощущение общественного долга обратили его устремления в духовную сторону. «У меня осталась единственная амбиция в музыке — бросить свое копьё в бесконечность будущего». И действительно, направление, начатое Листом, продолжили в своих ораториях Гуно, Массне, Сен-Санс и

прежде всего Франк в «Искуплении» и «Заповедях блаженства» (заметим, все представители другой — французской культуры).

Важной ступенью на пути к созданию своей «музыкальной религии» стала для композитора оратория «Легенда о святой Елизавете» (1862).

«Христос» занимает в творчестве Листа примерно такое же место, как «Мессия» у Генделя. Тема и состав исполнителей тождественны. Обе оратории повествуют о ключевых моментах биографии Спасителя: Рождество, Распятие, Воскресение. Но в отличие от Генделя, следовавшего определенным барочным схемам (чередование арий и хоров с речитативами и лишь изредка оркестровые эпизоды), Лист, отрицавший влияние каких бы то ни было канонов на свое творчество, отходит и от барокко, и от венской классики (образцовые оратории Гайдна), и от немецкого романтизма (духовная музыка Мендельсона и Шумана). Он создает свое, новое, не похожее ни на что. Его «Христос» находится за рамками обиходной церковной музыки (в отличие, скажем, от баховских Страстей) и не может быть присоединен ни к какому обряду, как, предположим, классические мессы. Несмотря на то что Лист использует восемь тем из григорианских хоралов с их квинтовым колоритом, его стиль слишком современный и смелый, чтобы церковь признала эту музыку своей. В то же время оратория сложна и для светского восприятия (особенно в первой своей половине), ибо требует некоторого интеллектуального усилия, накала всех чувств.

«Христос» написан на тексты Библии, католической литургии и латинских гимнов — выбирал их сам композитор. Первая часть — Рождественская оратория — открывается строгой футой на тему хорала «Rorate coeli», после аскетичной пасторали и а капеллы Слова Ангела Господня (увы, не слишком уместным элементом показалось пронзительное колоратурное сопрано Галины Бойко) завершается двумя ярко образовательными оркестровыми эпизодами: «Пастушеской игрой у яслей» (буколические фольклорные мотивы) и «Шествием волхвов» (мажорный колорит, который сам Лист прокомментировал так: «Если Рубенс на своих библейских полотнах мог написать

фламандцев, то и я наделил одного из моих волхвов закрученными усами»). Вторая часть — «После крещения» — начинается с эпизода из Матфея «Блаженны нищие духом», потом Молитва Господня «Отче наш» и Поставление храма. Кульминация — эпизод под названием «Чудо», подавляющая воображение картина бури на озере Геннесарет. Переходом к третьей, заключительной части — «Страсти и Воскресение» — служит торжественно-триумфальная Осанна (Вход Господень в Иерусалим) с солирующим альтом (любимица Светланова и участница многих его последних проектов, сочное русское меццо Ольга Александрова пела по-оперному крупно и картинно). Предчувствие мук Христовых выражено в Молении о чаше — это исповедальное, полное тихой боли соло баритона чем-то перекликается с лейтмотивами страданий грешного хранителя чаши Грааля, короля Амфортаса в вагнеровском «Парсифале» (несколько другие муки — технического порядка — испытывал филармонический вокалист Дмитрий Трапезников, скрипевший и киксовавший чуть ли не на всех высоких нотах).

Самое ошеломляющее впечатление производит «Stabat Mater dolorosa» — большая самостоятельная кантата на канонический текст Якопо да Тоди (или, по некоторым источникам, св. Бонавентуры), в которой участвуют четыре солиста. Уникальная находка Листа — в цитировании последовательности аккордов из «Stabat Mater» «строгого итальянца» Палестрины (эту последовательность тональностей Вагнер считал сакральной для музыки XIX века). Мелодические красоты, сила и величие этой музыки стали для москвичей редким по нынешним временам откровением, и даже традиционный в отечественном ораториальном исполнительстве вокальный разбой солистов не помешал чуду свершиться.

Оратория «Христос» — музыка не для ежедневного потребления. Судя по всему, это понимал и сам Лист. После завершения партитуры он писал: «Для меня не имеет значения, когда и где ее услышат. Моя творческая задача — создание произведения, а того, что оно уже существует, для меня вполне достаточно...» Теперь «Христос» существует и в нашей душе. Спасибо Светланову. ■